

Аманмирадів Н. А., здобувач, Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова (Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

Демократія і колективна безпека як принципи сучасної філософії міжнародних відносин

Аналізуються основні напрями зміни філософії міжнародних відносин в контексті їх демократизації та підвищення міжнародної безпеки; одночасно підкреслюється важливість зміцнення миру і принципів прав людини, солідарності та взаємного розуміння, поваги національного вибору і толерантності.

Ключові слова: людина, політика, міжнародні відносини, культура, безпека, демократія.

* * *

УДК 316.65

Прошин Д. В.

кандидат історических наук, доцент, доцент кафедри політології, соціології і гуманітарних наук, Дніпропетровський університет ім. А. Нобеля (Україна, Дніпропетровськ), bishop.74@mail.ru

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНЗИТОВ

Рассмотрена важная, но практически не изученная в Украине проблема терроризма в контексте переходов от авторитарных режимов к демократии. Автор отмечает, что, вопреки весьма широко распространенному мнению, демократизация политической жизни не гарантирует быстрого, тем более автоматического снижения или полного устранения террористической угрозы. Более того, в ходе некоторых демократических транзитов возможен всплеск террористического насилия. На примере одиннадцати стран и тридцати двух террористических группировок автор предпринимает попытку в первом приближении обозначить параметры влияния, оказываемого демократическими транзитами на характер и динамику террористической активности. Отдельно автор подчеркивается опасность соскальзывания молодых демократий в плоскость “экстралегальных” силовых методов противодействия терроризму (т.е. использования для борьбы с террористами создаваемых правительством теневых вооруженных группировок). В конце статьи намечен ряд направлений, по которым должно продолжаться изучение поставленной проблемы.

Ключевые слова: терроризм, демократия, демократические транзиты.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Вопрос об отношении между демократией и терроризмом до сегодняшнего дня остается практически не изученным отечественными исследователями. Но в связи с ситуацией на юго-востоке Украины можно ожидать скорого появления работ, в которых он займет главное место. Весьма вероятно, однако, что в обстановке острого политического конфликта многие исследователи ограничатся прямолинейными “политически корректными” трактовками, сводящимися к тому, что демократия представляет собой естественного врага терроризма, его абсолютное отрицание и что, соответственно, распространение демократии является одним из наиболее эффективных инструментов в борьбе с террористическим насилием.

Но есть основания утверждать, что отношения между демократией и терроризмом носят более противоречивый характер. С особой наглядностью это наблюдается в контексте переходов от авторитарных режимов к демократическим. Вместо повсеместной неуклонной маргинализации субъектов нелегального политического насилия в рамках демократических транзитов обнаруживается очень широкий спектр сценариев – от быстрого исчезновения террористической угрозы после установления новых порядков до ее всплеска; от превращения террористических организаций в составные части

новопровозглашенных демократических режимов до появления террористических группировок, начинающих борьбу против новой власти; от попыток террористическими методами “ускорить” или “углубить” демократические трансформации до попыток, действуя подобными методами, затруднить процесс демократизации или даже обратить его вспять, и т.д.

В данной статье на примере одиннадцати стран (Таблица 1) предпринята попытка в первом приближении раскрыть некоторые общие черты характера и динамики террористического насилия в контексте демократических транзитов. (Отобранные примеры являются не единственными, но наиболее значительными случаями проявления терроризма в рамках перехода к демократии).

Таблица 1

Транзиты (страны и хронологические рамки)

1. США (1865–77 гг.)*	7. Греция (1974 г.)
2. Германия (1918–19 гг.)	8. Испания (1975–79 гг.)
3. Ирландия (1919–23 гг.)	9. Перу (1980 г.)
4. Палестина / Израиль (1947–48 гг.)	10. Чили (1988–89 гг.)
5. Аргентина (1973–83 гг.)**	11. ЮАР (1990–94 гг.)
6. Португалия (1974–76 гг.)	

*Гражданская война в США, разгром рабовладельческого Юга и его последующая Реконструкция являются не столько демократическим транзитом в строгом смысле слова, сколько насильственной “перезагрузкой” давшей сбой демократической системы, изначально обремененной серьезными внутренними противоречиями. Однако масштаб, содержание и форма этой “перезагрузки” дают достаточные основания для того, чтобы рассматривать здесь Реконструкцию Юга наряду с типичными транзитами.

**В связи с демократическими транзитами, как правило, упоминается лишь переход Аргентины к демократии после падения хунты, правившей с 1976 по 1983 г. Но в данной статье подразумевается “долгий переход”, начинающийся с момента падения военного режима 1966–73 гг. и охватывающий период не последовательной и незавершенной демократизации 1973–76 гг., правление второй хунты и, наконец, полную и окончательную демократизацию 1982–83 гг. Внимание главным образом сосредоточено на событиях 1973–76 гг.

Разумеется, поставленная проблема не исчерпывает вопроса о терроризме и демократии. Так, многие из высказываемых здесь соображений ничем не помогут лучшему пониманию феномена терроризма, возникающего на почве устойчивых демократий. Вместе с тем вышеупомянутая наглядность, с которой в контексте транзитов раскрывается неоднозначная природа отношений между терроризмом и демократией, делает рассмотрение поставленной проблемы одной из главных предпосылок для понимания этих отношений в целом. Более того, некоторые террористические организации, действовавшие на стадии демократических транзитов, продолжают свою деятельность и долгое время спустя после завершения транзита – уже в рамках окончательно сформировавшихся демократических систем. В подобных случаях транзитная стадия представляет собой неотъемлемую часть более широкой и сложной картины.

Несмотря на то, что зарубежные исследователи, в отличие от своих украинских коллег, уже давно занимаются вопросом о демократии и терроризме, и в частности – об их отношениях в ходе демократических транзитов, поднятая здесь проблема остается изученной весьма неравномерно. Имеется немало работ, полностью или частично посвященных

террористическому насилию в рамках отдельных транзитов [3; 5; 10]. Проблема затрагивалась также в связи с трансформациями террористических группировок (их разгромом, распадом, отказом от насилия и переходом в легальную политику), поскольку контекстом подобных трансформаций в некоторых – но далеко не во всех – случаях являлись процессы демократизации. Наконец, этой проблемы касались исследователи, поднимающие самые общие вопросы об отношениях между терроризмом и демократией [2; 11]. Тем не менее ни в одном из этих случаев феномен терроризма в условиях демократических транзитов не получил системного рассмотрения. (Максимальное – но далеко не достаточное, на региональном уровне и в сравнительно узких временных рамках, – приближение к такой системности можно найти в некоторых работах, освещающих проблему террористического насилия в контексте политических изменений на Ближнем Востоке [8; 9]).

Отдельно следует упомянуть классическую работу С. Хантингтона, посвященную демократическим транзитам т.н. “третьей волны” [1]. Одна из ее глав посвящена характеру насилия (в том числе и террористического), сопровождающего эти переходы. Но поскольку Хантингтон, прежде всего, интересовался особенностью рассматриваемой им очередной волны демократизации, он – констатируя, что уровень насилия на третьем этапе значительно ниже, чем на двух предыдущих, – основное внимание уделил объяснению этого отличия, а не вопросу о том, почему и в каких формах насилие все же проявлялось в рамках “третьей волны”.

Анализ поставленной здесь проблемы следует начать с обозначения возможных отправных точек вхождения терроризма в транзитный контекст. Таких точек три: субъект террористического насилия возникает до начала демократического транзита и тем или иным образом входит в транзит; субъект возникает непосредственно на стадии транзита; субъект возникает по завершении транзита, но “генетически” и хронологически непосредственно связан с ним как его порождение, как его отрицание или “продолжение”.

В трех из одиннадцати рассматриваемых стран (Португалия, Испания, Аргентина) обращение к террористическим методам наблюдалось во всех трех временных горизонтах (до, во время и после транзита). В остальных восьми странах начало террористических действий относится только к какому-то одному из горизонтов: в четырех случаях – это время до начала транзита (Ирландия, Палестина/Израиль, Чили, ЮАР); в двух – период транзита (США, Перу); и в двух оставшихся – время после транзита (Германия времен Веймарской республики, Греция). Приведенные данные показывают, что в рассматриваемых случаях транзит не является заметным водоразделом в обращении к терроризму. Из одиннадцати представленных здесь стран только четыре (США, веймарская Германия, Греция, Перу) впервые сталкиваются с терроризмом

или в ходе транзита, или непосредственно после него. В остальных семи странах террористические организации возникают еще до начала транзита.

Что более важно с точки зрения противодействия терроризму, рассматриваемые транзиты также не становятся однозначным водоразделом и в плане снижения террористической угрозы. Из семи стран, в которых терроризм возник на дотранзитном этапе, только в двух (Палестина/Израиль и ЮАР) в контексте транзита произошел полный отказ от терроризма. Террористы приняли результаты транзита, более того – интегрировались в политические и силовые структуры новых режимов. (Разумеется, в более широком политическом контексте демократический транзит в британской подмандатной Палестине и создание Израиля дали толчок возникновению террористической угрозы несоизмеримо большего масштаба. Но в рамках поставленной здесь проблемы слова об исчезновении террористической угрозы вполне обоснованы). В пяти других странах террористическая активность в том или ином масштабе была продолжена на посттранзитном этапе. (В Ирландии и Чили произошел раскол между теми, кто принял и кто отверг условия транзита. В Аргентине и Португалии наблюдались случаи временного затихания террористической активности, что отражало неопределенность переходной ситуации и связанные с этим надежды радикальных вооруженных группировок. На этом этапе некоторые дотранзитные группировки даже прекращали свое существование. Но по мере того как ситуация развивалась нежелательным для радикалов образом, они возвращались к насилию). Еще в четырех странах, как уже было сказано, террористические организации возникли именно под влиянием транзита.

Более детальную картину дает анализ динамики отдельных субъектов террористического насилия (Таблица 2) [данные по: 6].

Таблица 2

Террористические организации (по странам возникновения)

1. Ку–клуке–клан (США)	12. Народные силы 25 апреля (Португалия)	23. Монтонерос (Аргентина)
2. “Белая лига” (США)	13. Революционная народная борьба (Греция)	24. Революционная народная армия (Аргентина)
3. “Красные рубашки” (США)	14. Революционная организация 17 ноября (Греция)	25. Аргентинский антикоммунистический альянс
4. “Консул” (Германия)	15. “Страна басков и свобода” – ЭТА	26. “Сияющий путь” – “Сендеро луминосо” (Перу)
5. Ирландская республиканская армия – ИРА	16. Группы антифашистского сопротивления 1 октября (Испания)	27. Революционное движение Туапак Амару (Перу)
6. “Иргун” (Палестина/Израиль)	17. Революционный антифашистский патриотический фронт (Испания)	28. Революционное левое движение (Чили)
7. “Лехи” (Палестина/Израиль)	18. Испанские баскские батальоны	29. “Коммандос возмездия” (Чили)
8. Вооруженное революционное действие	19. Антитеррористические группы освобождения	30. Патриотический фронт Мануэля Родригеса (Чили)

* Строго говоря, Перу к моменту начала террористической кампании 1980–90-х гг. уже имело опыт столкновения с проблемой вооруженных радикалов (в середине 1960-х гг.); более того, некоторые политические наследники радикалов 1960-х гг. активизировались на новом витке насилия. Но поскольку первый и

второй (несопоставимо более мощный) всплески политического насилия в Перу разделяет пятнадцатилетний период затишья (1965–80 гг.), с оговорками можно сказать, что в контексте демократического транзита 1980-х гг. Перу столкнулось с терроризмом “впервые (за много лет)”.

(Португалия)	(Испания)	
9. Революционные бригады (Португалия)	20. "Свободная земля" (Испания)	31. Лаутарос (Чили)
10. Армия освобождения Португалии	21. Красная армия освобождения Каталонии	32. "Копье нации" (ЮАР)
11. Демократическое движение за освобождение Португалии	22. Перонистские вооруженные силы (Аргентина)	

Из рассматриваемых здесь тридцати двух террористических группировок шестнадцать – ровно половина – развернули свою деятельность до начала транзита (как правило, задолго до этого момента). Соответственно, другие шестнадцать группировок начали свою деятельность либо на этапе транзита, либо непосредственно после него. (Временем начала деятельности группировки здесь считается не момент ее создания, а момент совершения ею первого теракта.) Однако из шестнадцати группировок, начавших свою деятельность до транзита, во время перехода к демократии прекратили свою деятельность лишь восемь. Таким образом, активными во время или после транзита были двадцать четыре группировки (75% от общего количества). Пика своей активности на транзитном или посттранзитном этапе достигают двадцать три группировки (около 72%): это, по определению, те шестнадцать группировок, которые возникли в ходе транзита или после него, и еще семь группировок, возникших до транзита. (Лишь немногим более половины дотранзитных групп – девять из шестнадцати (56%) – достигли максимума активности до начала транзита).

Разумеется, в одной статье не могут быть учтены все параметры террористической деятельности (так, здесь принято во внимание количество терактов, но не их масштаб и эффективность). Однако и с такой поправкой можно утверждать, что транзитная и посттранзитная стадии не только не сулят автоматического снижения уровня террористической угрозы, но и могут существенно повысить его.

По мнению некоторых исследователей, демократии предоставляют гораздо более благоприятную почву для возникновения и деятельности террористических организаций, чем авторитарные режимы [см., например: 7, р. 233–234]. В демократических обществах значительно облегчен процесс формирования политических организаций и движений – в том числе радикально-оппозиционных, в среде которых могут возникать эмбрионы будущих террористических группировок. Свобода информации позволяет террористам легко захватывать общественное внимание и вести свою "пропаганду делами". Наконец, силовые органы демократических режимов находятся под жестким контролем, что не позволяет в полной мере использовать против террористов и их сторонников все имеющиеся в распоряжении государства репрессивные возможности.

С другой стороны, двенадцать из шестнадцати вышеупомянутых дотранзитных группировок возникли с целью свержения авторитарных режимов (некоторые из них вели борьбу с властями на протяжении весьма

длительного времени)*. Более того, пик активности половины этих группировок пришелся именно на период авторитарного правления. Это не позволяет безоговорочно согласиться с тем, что терроризм угрожает в первую очередь или практически исключительно демократиям, тогда как авторитарные режимы или не сталкиваются с проблемой терроризма, или решают ее в кратчайшие сроки путем неограниченных репрессий.

Так или иначе, проблема терроризма в контексте демократических транзитов не исчерпывается отсылкой к свойствам демократии и к ее противопоставлению авторитарным режимам (тем более, как будет показано ниже, данное противопоставление далеко не всегда так однозначно, как это преподносят отдельные авторы). Характер и динамика террористического насилия на транзитных и посттранзитных стадиях в значительной (в некоторых случаях – в решающей) степени определяются не раскрепощающим эффектом подвижек к демократии и природой формирующегося демократического устройства, а собственно спецификой происходящего политического перехода: его масштабами и темпами; целями и ожиданиями субъектов политической борьбы, давшей толчок транзиту, и степенью соответствия результатов транзита этим целям и ожиданиям; соотношением сил различных субъектов, вовлеченных транзит; инерцией их предшествующей политической активности.

Как правило, выделяют три вида транзитов – в зависимости от баланса сил участвующих в них субъектов и, соответственно, форм и содержания происходящих изменений. Хантингтон, к примеру, говорит об управляемых *трансформациях*, в ходе которых авторитарные правители добровольно уступают власть; о компромиссных *замещениях*, происходящих, когда власть уже не достаточно сильна для того, чтобы подавить оппозицию, но оппозиция в свою очередь не достаточно сильна, чтобы свергнуть правящий режим; и о резких *заменах*, приводящих к свержению старого режима (нередко происходящих под влиянием его внешнего военного поражения) [1, с. 137, 156, 165–166].

Рассматриваемые примеры свидетельствуют, что террористическое насилие может присутствовать в контексте всех трех разновидностей транзита. Из одиннадцати представленных здесь стран четыре прошли через трансформацию (Палестина/Израиль, Испания, Перу, Чили), две – через замещение (Ирландия, ЮАР), четыре – через замену (США, Германия, Португалия, Греция) и одна (Аргентина) за

* В это число не вошли ИРА, еврейские группировки "Иргун" и "Лехи" и чилийские "Коммандос возмездия". Хотя борьба за независимость Ирландии и Израиля укладывается в рамки демократического транзита, Британская империя, разумеется, не может быть квалифицирована как государство с авторитарным режимом. Чилийская же группировка представляет собой теневое формирование, созданное спецслужбами пиночетовского режима. Чилийские "коммандос" – не единственная рассматриваемая здесь проправительственная группировка. Включение этих группировок в общий список обуславливается тем, что речь в статье идет не о терроризме как о методе борьбы с тем или иным режимом, а о терроризме в контексте демократического транзита. С этой точки зрения одинаково интересны как антиправительственные, так и "охранительные" террористические организации, тем более что некоторые из них были созданы уже в ходе или после транзитов.

время своего “долгого перехода” испытала вначале трансформацию, а затем замену. Однако сочетания террористических группировок разного характера и транзитов той или иной разновидности отнюдь не хаотичны. Анализ генезиса, динамики, целей и мотивов отдельно взятых террористических группировок, вписанных в тот или иной транзитный контекст, показывает, что между профилями террористических организаций и спецификой транзитных контекстов их деятельности существуют определенные генетические взаимосвязи.

Главным мотивом большинства группировок, действующих на транзитном и посттранзитном этапах, является, вполне естественно, неприятие происшедшего политического перехода. При этом конкретная направленность этого неприятия заметно варьируется. Во-первых, неприятие может выражаться в стремлении “отменить” транзит, восстановить старый порядок или – как минимум – отомстить за его разрушение. Во-вторых, неприятие может проявляться в попытках осуществить альтернативный – более радикальный – сценарий транзита. Наконец, в-третьих, оно может проявляться в попытках продолжить начатый – или уже осуществленный – транзит, углубить его, “довести до завершения”.

Из тридцати двух рассматриваемых групп двадцать (около 63%) обнаруживают ту или иную разновидность неприятия транзита. Хотя в конкретных случаях, усложненных различными политическими нюансами, доминирующий мотив террористической организации не всегда просматривается четко, можно с достаточной определенностью сказать, что из двадцати группировок “отменить” транзит пытались четыре; навязать его альтернативную версию – восемь; довести транзит до “логического завершения” – восемь. В привязке к трем вышеназванным разновидностям транзита картина выглядит следующим образом. Все четыре попытки “отменить” транзит соотносятся с транзитами-заменами. Попытки углубить начатый транзит соотносятся с транзитами-трансформациями и в одном случае (Ирландия) – с транзитом-замещением. Наконец, навязывание альтернативного транзитного сценария наблюдается в контексте замены или трансформации.

Безусловно, на основании предварительного анализа, ограниченного сравнительно узкими статейными рамками, рано говорить об однозначных зависимостях. Вместе с тем кажутся достаточно обоснованными следующие соображения относительно связей между мотивами группировок и характером транзитов, в контексте которых они действуют.

Во-первых, закономерными могут быть попытки “отмены” транзита, прежде всего в контексте резких и разрушительных транзитов-замен. Разрушая старый порядок и не предлагая его сторонникам никакой политической “компенсации” (в отличие от более плавных трансформаций и компромиссных замещений), замена создает условия, в которых проигравшая сторона, не имеющая других возможностей влиять на ситуацию, может с высокой степенью вероятности обратиться к террористическим методам, чтобы “переписать историю”. Также же следует отметить, что

в тех рассмотренных здесь случаях, когда страна впервые сталкивалась с проблемой терроризма, это, как правило, происходило именно в ходе резких транзитов-замен (США, Германия, Греция).

Во-вторых, более сбалансированные переходы-трансформации и замещения в свою очередь могут вызвать неприятие у наиболее радикально настроенных противников старого режима, которые в зависимости от характера конфликта, завершающегося компромиссным переходом, могут либо продолжить начатое еще на дотранзитной террористическое насилие, чтобы добиться “полной победы” (уже в борьбе с новой властью, возникшей в результате транзитной “сделки”), либо развернуть новую террористическую кампанию с целью реализовать альтернативный сценарий “истинных” политических преобразований, противопоставляя его осуществившемуся “фальшивому” транзиту.

Как было сказано, только двадцать из рассматриваемых здесь группировок в той или иной форме отвергали транзит. Двенадцать оставшихся террористических организаций распределяются следующим образом: шесть из них приняли транзит и прекратили свое существование; одна, будучи проправительственным формированием, была распущена после исчезновения старого режима; действия же еще пяти представляют собой особый, пограничный случай, который можно условно охарактеризовать как “консервативно-охранительный” терроризм.

Эти пять организаций противодействовали не транзиту как таковому, а попыткам наиболее решительных противников старых властей максимально радикализировать развернувшиеся политические преобразования. При этом следует подчеркнуть неоднозначность отношения этих группировок к самим посттранзитным режимам. Значительную роль в них нередко играли сторонники ушедшей власти. Но в отличие от реакционеров, в принципе отвергавших происшедшие перемены и пытавшихся “отменить” их, члены “консервативно-охранительных” организаций принимали умеренный транзит как наименьшее зло по сравнению с радикальными транзитными сценариями.

Из представленных здесь пяти случаев “консервативно-охранительного” терроризма три были вписаны в контекст транзита-трансформации, два – транзита-замены. Такие сочетания также представляются неслучайными.

Трансформационные транзиты, осуществляемые по инициативе и в значительной степени под контролем старых властей, как уже отмечалось, могут вызывать отторжение у наиболее решительно настроенных противников старого режима, которые нередко прибегают к террористическим методам, чтобы подтолкнуть общество к дальнейшим переменам. Возникновение в этом контексте “охранительных” террористических группировок отражает известную двойственность, присущую трансформациям. С одной стороны, новообразованные демократические режимы не могут свободно применять к террористам методы, практиковавшиеся их авторитарными предшественниками. (Эти методы могут быть не настолько эффективными, как полагают те, кто считает

авторитарные режимы практически неуязвимыми для терроризма, однако – помимо некоторых результатов – они создают политически комфортную видимость “адекватного” – т.е. предельно жесткого – противодействия террористической угрозе). С другой стороны, поскольку в рамках половинчатых трансформаций консервативные элементы, как правило, сохраняют значительное влияние в государственных структурах и в обществе в целом, сохраняются и кадровые и организационные ресурсы, которые могут быть использованы для создания и поддержки теневых группировок, готовых отвечать террором на террор.

В ходе резких транзитов–замен старый режим, напротив, утрачивает свою способность эффективно влиять на развитие событий и в конечном итоге дезинтегрируется. Элементы, связанные со старым режимом, и даже сторонники умеренных преобразований могут быть вытеснены на периферию радикальными участниками транзита. Попытка “отменить” транзит или отомстить победителям является в подобной ситуации весьма вероятным, но не единственным возможным ответом маргинализированных политических сил. Вооруженные группировки, создаваемые на консервативной периферии и использующие в числе прочих террористические методы, могут (как это произошло, например, в Португалии) осуществить реванш, оставив нетронутыми базовые рамки транзита, – т.е. остановить дальнейшее наступление радикалов и утвердить умеренный посттранзитный политический режим.

В связи с вопросом об отношениях между терроризмом и демократией нужно особо отметить еще одно обстоятельство. Из пяти представленных здесь “консервативно–охранительных” террористических организаций три (сформированные в Испании и Аргентине) являлись, по сути, “эскадронами смерти”, созданными при участии правительств и подотчетными им. Наиболее показательный пример – образованные в 1983 г. по решению социалистического правительства Ф. Гонсалеса испанские Антитеррористические группы освобождения (ГАЛ), которые до 1987 г. безуспешно вели т.н. “грязную войну” против баскской группировки ЭТА, пытавшей “углубить” постфранкистский транзит вплоть до полного признания Испанией независимости Страны Басков [4, р. 46–69]. Информация о ГАЛ и об “экстралегальных” акциях, санкционированных демократическим правительством Гонсалеса, стала достоянием гласности в 1996 г. и вызвала острый политический кризис, прервавший многолетнее пребывание испанских социалистов у власти.

До этого момента речь шла преимущественно о действиях антиправительственных террористических группировок, тем или иным образом вписанных в контекст демократического транзита. В связи с этим могло сложиться впечатление, что проблема терроризма в транзитном контексте сводится к наличию *внешней* по отношению к посттранзитным режимам угрозы. Однако пример ГАЛ и ей подобных организаций показывает, что это впечатление ошибочно. Проблема терроризма в контексте перехода к демократии состоит не просто в поиске путей устранения внешней угрозы, в создании эффективной защиты молодой демократии от

террористов, продолжающих свою деятельность, несмотря на смену политического режима (или даже по ее причине). Проблема заключается в том, чтобы, решая эти внешние задачи, сохранить *внутреннюю* целостность демократического режима, избежать незаконных эксцессов в борьбе с терроризмом. Следует помнить о том, что, отвечая на внешний террористический вызов по принципу “цель оправдывает средства”, молодая демократия может подорвать свои основания *изнутри*, попутно дав террористам лишний повод заявлять, что отвергаемый ими транзит в действительности – не более чем лицемерная смена политических декораций.

Итак, проявления терроризма в контексте демократических транзитов не дают оснований для однозначных оценок. В большинстве рассмотренных в статье стран как первоначальное обращение к террористическим методам, так и полное угасание террористической активности (если таковое наблюдалось) состоялись далеко за рамками транзита и вне прямой связи с ним. Лишь половина тридцати двух представленных здесь группировок возникла в ходе транзита или непосредственно после него; возникновение второй половины относится еще к дотранзитному периоду. В то же время только немногим больше половины дотранзитных группировок достигли пика активности до начала политического перехода. Соответственно, в случае второй, несколько меньшей части максимальная активность наблюдалась на стадии транзита или вскоре по ее завершении. Наконец, лишь половина группировок, возникших до начала транзита, по тем или иным причинам прекратила свое существование в контексте перехода к демократии. Взятые в общем, демократические транзиты не отличаются от других этапов политической жизни общества особой способностью генерировать или прекращать террористическое насилие. Вместе с тем можно утверждать, что в тех случаях, когда обращение к терроризму происходит еще до транзита, переход к демократии с высокой степенью вероятности не принесет скорого, а тем более “автоматического” решения проблемы террористического насилия. Таким образом, будут ошибочными попытки приписать демократическому транзиту как таковому роль “эксклюзивного” средства в борьбе с терроризмом. Более того, чем резче и разрушительнее переход к демократии, тем вероятнее то, что он вызовет всплеск терроризма или даже послужит первотолчком в обращении к террористическим методам, если в данной стране они ранее не применялись.

Не являясь четкими вехами в общей динамике терроризма, транзиты при этом оказывают заметное формирующее влияние на активность отдельных террористических группировок. Характер отрицания этими группировками посттранзитного режима, их состав, цели и мотивы, как показывают приведенные примеры, в значительной мере определяются спецификой тех разновидностей демократических транзитов, в контексте которых группировки действуют.

Наконец, неоднозначность проблемы терроризма в контексте демократических транзитов отчетливо подчеркивается тем, что в некоторых случаях

источником террористического насилия здесь становятся уже сами посттранзитные демократические режимы. Унаследовав противостояние с подпольными группировками от прежних властей или столкнувшись с организациями, порожденными транзитом, новое правительство может не пройти политического испытания и попытаться радикально решить вставшую перед ним проблему, руководствуясь принципами “цель оправдывает средства” или “око за око”, тем самым подрывая основы демократического порядка, который оно должно олицетворять и защищать.

Данная статья представляет собой предварительный очерк. Помимо углубления проведенного здесь анализа за счет привлечения новых примеров и расширения круга используемых критериев, в дальнейшем должны быть решены следующие задачи. Во-первых, эта статья почти полностью посвящена влиянию транзитов на характер и динамику террористической активности; в ней лишь поверхностно (на примере ГАЛ) была затронута тема обратного влияния террористического насилия на характер и результаты демократического транзита. Эта важнейшая тема требует особого внимания не только в связи с демократическими транзитами, но и в контексте общей проблемы отношений между терроризмом и демократией. Во-вторых, поскольку не только терроризм представляет угрозу для молодых демократий, но и демократический транзит в свою очередь представляет собой “испытание” для террористических группировок, вынужденных стратегически и тактически приспособляться к новым условиям, необходимо уделить серьезное внимание вопросам о том, как именно осуществляется это приспособление (как складываются отношения террористических группировок с новыми легальными акторами, появляющимися после падения авторитарных режимов; как строятся отношения террористического подполья с бывшими сторонниками, получившими возможность законными методами доносить до правительства свое несогласие, и т.д.). В-третьих, для более глубокого понимания того, как связаны демократические транзиты и сопровождающее их террористическое насилие, необходимо задаться вопросом о том, чем обуславливается феномен транзитов, свободных от терроризма (Бразилия, Парагвай, Уругвай, Южная Корея). Решение этих задач позволит существенно продвинуть анализ проблемы, в первом приближении рассмотренной в данной статье.

Список использованных источников

1. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. / С. Хантингтон. – М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2003. – 365 с.
2. Brooks R. Researching Democracy and Terrorism: How Political Access Affects Militant Activity / R. Brooks // Security Studies. – 2009. – N18. – P. 756–788.
3. Clark R. The Basque Insurgents: ETA, 1952–1980 / R. Clark. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1984. – 328 p.
4. Death Squad: The Anthropology of State Terror / [Sluka J., Aretxaga B., Keppley Mahmood C. et al.]; ed. by J. Sluka. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. – 260 p.
5. Democracy and Counterterrorism: Lessons from the Past / [Solomon R., Art R., Richardson L. et al.]; ed. by R. Art and L. Richardson. – Washington: United States Institute of Peace, 2007. – 639 p.
6. Global Terrorism Database [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.start.umd.edu/gtd/>

7. Laqueur W. A History of Terrorism / W. Laqueur. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. – 277 p.

8. More freedom, less terror? Liberalization and Political Violence in the Arab World / [Kaye D., Wehrey F., Grant A., Stahl D.]. – Santa Monica: The RAND Corporation, 2008. – 195 p.

9. Piazza J. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries / J. Piazza // Studies in Conflict & Terrorism. – 2007. – Vol. 30. – N6. – P. 521–539.

10. Terrorism in Context / [Crenshaw M., Miller M., Pomper Ph. et al.]; ed. by M. Crenshaw. – University Park: The Pennsylvania State University Press, 2007. – 633 p.

11. Weinberg L. Democracy and Terrorism: Friend or Foe? / Weinberg L. – Abingdon: Routledge, 2013. – 167 p.

12. Weinberg L. Political Parties and Terrorist Groups / Weinberg L., Pedahzur A., Perliger A. – Abingdon: Routledge, 2009. – 184 p.

13. Weinberg L. The End of Terrorism / L. Weinberg. – Abingdon: Routledge, 2012. – 156 p.

References

1. Huntington S. Третья волна. Демократизация в конце XX в. / S. Huntington. – М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2003. – 365 с.

2. Brooks R. Researching Democracy and Terrorism: How Political Access Affects Militant Activity / R. Brooks // Security Studies. – 2009. – N18. – P. 756–788.

3. Clark R. The Basque Insurgents: ETA, 1952–1980 / R. Clark. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1984. – 328 p.

4. Death Squad: The Anthropology of State Terror / [Sluka J., Aretxaga B., Keppley Mahmood C. et al.]; ed. by J. Sluka. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. – 260 p.

5. Democracy and Counterterrorism: Lessons from the Past / [Solomon R., Art R., Richardson L. et al.]; ed. by R. Art and L. Richardson. – Washington: United States Institute of Peace, 2007. – 639 p.

6. Global Terrorism Database [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.start.umd.edu/gtd/>

7. Laqueur W. A History of Terrorism / W. Laqueur. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. – 277 p.

8. More freedom, less terror? Liberalization and Political Violence in the Arab World / [Kaye D., Wehrey F., Grant A., Stahl D.]. – Santa Monica: The RAND Corporation, 2008. – 195 p.

9. Piazza J. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries / J. Piazza // Studies in Conflict & Terrorism. – 2007. – Vol. 30. – N6. – P. 521–539.

10. Terrorism in Context / [Crenshaw M., Miller M., Pomper Ph. et al.]; ed. by M. Crenshaw. – University Park: The Pennsylvania State University Press, 2007. – 633 p.

11. Weinberg L. Democracy and Terrorism: Friend or Foe? / Weinberg L. – Abingdon: Routledge, 2013. – 167 p.

12. Weinberg L. Political Parties and Terrorist Groups / Weinberg L., Pedahzur A., Perliger A. – Abingdon: Routledge, 2009. – 184 p.

13. Weinberg L. The End of Terrorism / L. Weinberg. – Abingdon: Routledge, 2012. – 156 p.

Proshin D. V., Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair of Political Science, Sociology and the Humanities, Dnepropetrovsk Alfred Nobel University (Ukraine, Dnepropetrovsk), bishop.74@mail.ru

Terrorism in the context of democratic transitions

The article is devoted to the major, yet practically unresearched in Ukraine, problem of terrorism in the context of transitions from authoritarian regimes to democracy. The author underscores that, contrary to the widely held opinion, democratization of political life does not guarantee fast, much less automatic, reduction or complete elimination of the terrorist threat. Moreover, some democratic transitions are likely to cause a rise in terrorist violence. Drawing on the cases of eleven countries and thirty two terrorist groups, the author attempts to initially outline parameters of the influence democratic transitions exert on the character and dynamics of terrorist activity. The author pays special attention to the danger that newly established democracies will slip into the field of “extralegal” forceful methods of combating terrorism (i.e. responding to anti-government violence with actions of government-created shadowy armed groups). The author concludes by marking a number of directions for further research of the problem outlined in the article.

Keywords: terrorism, democracy, democratic transitions.

Прошин Д. В., кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри політології, соціології та гуманітарних наук, Дніпропетровський університет ім. А. Нобеля (Україна, Дніпропетровськ), bishop.74@mail.ru

Тероризм у контексті демократичних транзитів

Розглянуто важливу, але практично не досліджену в Україні проблему тероризму в контексті переходів від авторитарних режимів до демократії. Автор відмічає, що, попри вельми поширену думку, демократизація політичного життя не гарантує швидкого, тим більше автоматичного зниження або цілковитого усунення терористичної загрози. Більш того, під час декотрих демократичних транзитів справляють на характер та динаміку терористичної активності. Окремо автором підкреслено ризик зіскозування молодих демократій у площину “екстралегальних” силових методів протидії тероризму (себто використання для боротьби з терористами створюваних урядом тінювих збройних угруповань). Наприкінці статті накреслено декілька напрямків подальшого вивчення поставленої проблеми.

Ключові слова: тероризм, демократія, демократичні транзити.

* * *

УДК 327.8

Ветринський І.

кандидат політичних наук, науковий співробітник,
ДУ Інститут всесвітньої історії НАН України
(Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

ПЕРЕДУМОВИ ТА ГЕОПОЛІТИЧНІ АСПЕКТИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Наприкінці XIX – початку XX століть назріла загальна криза міжнародного порядку – старі імперські структури поступово занепадали, в той час як природа, умови виникнення та існування нових державних утворень залишалися невизначеними й нестабільними. Міжнародно-політична ситуація напередодні Першої світової характеризувалася кількома чинниками: 1) багатополарність – світ фактично був поділений між потужними центрами сили, що їх являли собою європейські імперії та США; 2) експансіоністський характер зовнішньої політики великих держав, що відповідає імперській логіці та зумовлює визначальну роль військового потенціалу і прагнення до його постійного підвищення; 3) відсутність дієвих механізмів регулювання міжнародних відносин, особливо у сфері безпеки. Відсутність дієвих міжнародних інститутів та інструментів – наднаціональних структур, які б регулювали відносини між державами – стала однією з наважливих проблем і відповідно передумовою початку Першої світової війни.

Ключові слова: Перша світова війна, геополітика, імперіалізм, багатополарність.

Період кінця XIX початку XX століття увійшов в світову історію як час великих змін, революційних відкриттів і глобальних геополітичних трансформацій. Міжнародні процеси перетворилися на єдину замкнену систему, чому посприяло фактичне завершення територіального розподілу світу між великими колоніальними імперіями. Саме в цей час з’являються перші геополітичні концепції, які сьогодні вже вважаються класичними. Їх поява є цілком закономірною оскільки для аналізу більшості процесів в умовах глобальної міжнародної системи були необхідні нові міждисциплінарні синтетичні підходи, що знайшли втілення в класичних геополітичних теоріях та концепціях. Період суперництва імперій на світовій арені відзначився низкою потрясінь глобального характеру, наймасштабнішим з яких стала Перша світова війна 1914–1918 рр. Наслідками війни стали глобальні трансформації міжнародної системи й радикальні зміни на геополітичній карті світу. Більшість світових імперій припинили своє існування, що ознаменувало розпад світової колоніальної системи, наслідком чого стала поява низки нових незалежних держав. Проте, сформована внаслідок Першої світової

війни Версальсько–Вашингтонська система міжнародних відносин виявилася нестійкою до актуальних викликів часу й припинила своє існування у 1939 році з початком Другої світової війни.

Майже сто років пройшло з моменту початку одного з наймасштабніших військових конфліктів в історії людства і світ знову стоїть на порозі глобальних змін світового порядку, що в першу чергу пов’язані з позицією та роллю Росії, зокрема під час т.зв. Кримської кризи в Україні. Тож аналіз передумов, подій та наслідків Першої світової може бути вельми доречним для адекватного розуміння актуальних тенденцій сьогодення.

В даній статті ми спробуємо проаналізувати геополітичний контекст Першої світової війни, її передумови й наслідки для глобальної міжнародної системи.

Аналізуючи передумови Першої світової війни насамперед необхідно зрозуміти її історико-політичний контекст. Відповідно, окрім геополітичної точки зору її треба розглядати також з позицій імперіології, оскільки головними акторами міжнародних відносин того часу були саме імперії зі своєю специфічною зовнішньополітичною логікою. Разом з тим обидва згадані підходи в будь-якому разі будуть пов’язані, оскільки власне класична геополітика так само є “продуктом” епохи імперіалізму – історичного періоду, коли міжнародна політика визначалася суперництвом великих колоніальних імперій за домінування на суші й на морі.

Міжнародно-політична ситуація напередодні Першої світової характеризувалася кількома чинниками: 1) багатополарність – світ фактично був поділений між потужними центрами сили, що їх являли собою європейські імперії та США; 2) експансіоністський характер зовнішньої політики великих держав, що відповідає імперській логіці та зумовлює визначальну роль військового потенціалу і прагнення до його постійного підвищення; 3) відсутність дієвих механізмів регулювання міжнародних відносин, особливо у сфері безпеки. За цих умов, зіткнення інтересів та глобальний конфлікт були лише справою часу.

Розглядаючи геополітичні передумови Першої світової необхідно почати з подій які їй передували, з розстановки сил на європейському континенті та загального міжнародно-політичного контексту. Наприкінці XIX – початку XX століть назріла загальна криза міжнародного порядку: старі імперські структури поступово занепадали, в той час як природа, умови виникнення та існування нових державних утворень залишалися невизначеними й нестабільними. Яскравим прикладом може слугувати Оттоманська імперія, яка на той час ослабла настільки, що втратила значну частину своїх володінь у Європі внаслідок Першої Балканської війни проти коаліції Болгарії, Греції, Сербії і Чорногорії. Водночас швидкий початок Другої Балканської війни між учорашніми союзниками – Грецією, Сербією і Чорногорією з одного боку й Болгарією з іншого, продемонстрував нестабільність системи міжнародних договорів – військова сила продовжувала бути основним інструментом досягнення зовнішньополітичних цілей.